

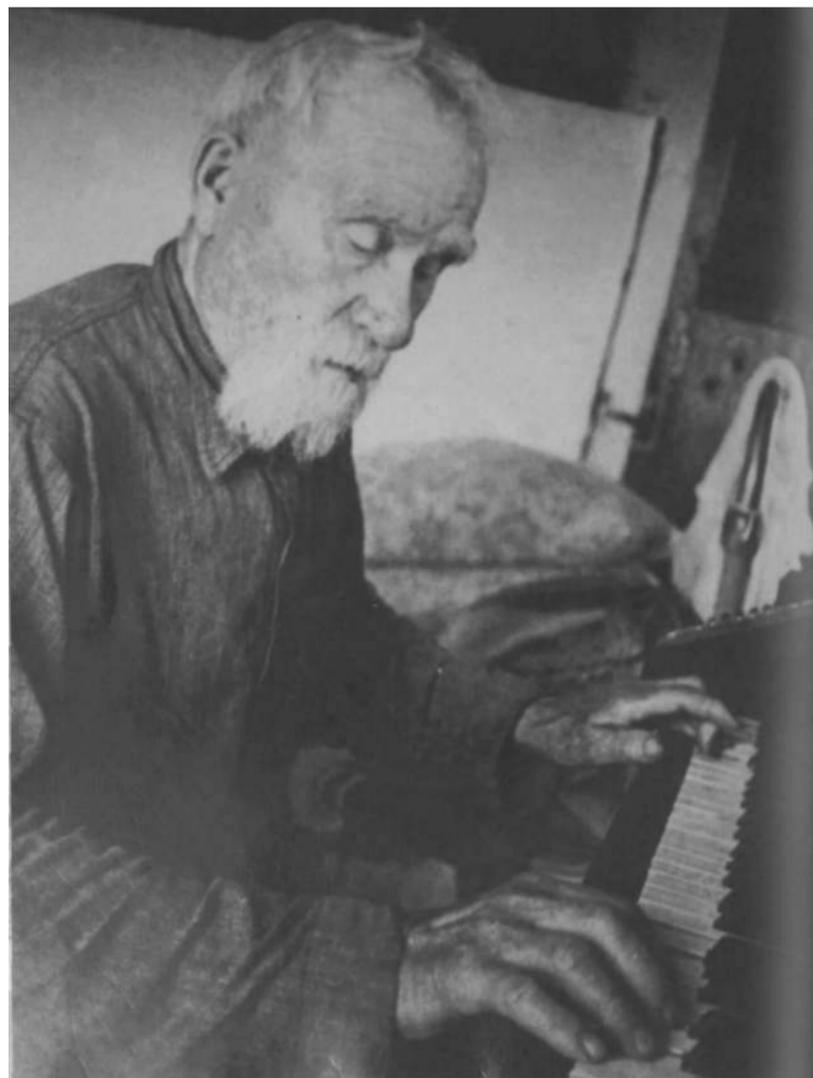
Исповедь грешника

вступительная статья
и подготовка текста -
Владимир ШИПИН,
историк

«Настоящую мою рукопись «Исповедь грешника» прошу прочитать со вниманием. Считаю обязанным объяснить причину, побудившую на этот труд. Бывши служителем церкви во время революции, пришлось пережить все гонения на церковнослужителей и на себе испытать гонения, вплоть до ужасов тюрьмы. И последующая жизнь выделяла меня как бывшего служителя церкви, оставшего от современной культуры. Вот это и навело меня на мысль оставить свою рукопись после своей смерти для любознательных, может, прочитают и вынесут свой праведный суд обо мне, грешнике.

Ещё раз прошу прочитать со вниманием, пишу дрожащей старческой рукой».

Карпов Иван Степанович
1982 года 3 декабря.

В 1992 году заметным событием стала публикация в журнале «Новый мир» воспоминаний крестьянина из северодвинского села Пермогорье Ивана Степановича Карпова «По волнам житейского моря», которые двадцать лет хранились в Древлехранилище Пушкинского Дома в Петербурге и только в новой России ставшие достоянием гласности. В этих воспоминаниях Иван Степанович постарался рассказать о своей жизни, полной драматических, а нередко и трагических событий. В одном из писем, адресованных известному композитору духовной музыки С.З. Трубачеву в 1970 году, Карпов писал: «Я питаю мысль описать всю свою жизнь, с детства несчастную, до невероятности трагическую, но по малограмотности сомневаюсь, чтобы удовлетворительно что-нибудь получилось. Придется описывать невероятно печальные факты и жизнь деревни 80 лет назад. И получилась бы непревзойденная история, охватывающая жизнь и события в течение 80 годов».

Недавно удалось найти воспоминания, написанные Иваном Степановичем в 1982 году, когда ему исполнилось ни много ни мало 94 года. Рукопись, которую он назвал «Исповедь грешника» хранится в семейном архиве его правнучки Елены Николаевны Кузнецовой (Самойловой), живущей в Подмоскowie. Это обычная школьная тетрадь, полностью исписанная крупным, разборчивым, но несколько дрожащим почерком. В рукописи практически нет орфографических ошибок, для публикации пришлось только несколько поправить пунктуацию, приведя её к требованиям современных правил.

И.С. Карпов прожил долгую жизнь, он умер в возрасте 98 лет в 1986 году. Родился Иван Степанович в обычной крестьянской семье в деревне Звягинской Ляховской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. С ранних лет познал, что такое нужда. Его отец был запойным пьяницей, за стакан водки он отдавал последнее, что оставалось у семьи. В конце концов, продав семейные сенокосы и осознав содеянное, он покончил с собой. Тем не менее одаренному мальчику удалось с отличием закончить трехклассное начальное земское училище.

Религиозная мать с ранних лет воспитывала сына в Православии, в глубоком уважении к церкви. Когда ему исполнилось 14 лет, она, исполняя ранее данный обет, отдала мальчика в Соловецкий монастырь, где того приметил регент – руководитель соборного хора, обнаружив у него прекрасный альт. Так Иван стал певчим в знаменитом монастыре. Вместо года он пробыл там два, изучил

нотную грамоту и сольфеджио. Соловецкий монастырь определил всю дальнейшую жизнь юноши, и пребывание там он всю последующую жизнь вспоминал как самое счастливое время своей жизни. По возвращении на родину Карпов был назначен псаломщиком одной из сельских церквей на Северной Двине, недалеко от Красноборска, а после революции был возведен в сан дьякона.

Именно служение Церкви сыграло роковую роль в его судьбе. После октябрьского переворота началось «хождение по мукам» Ивана Степановича. Лишенный избирательных прав как «служитель культа» он не мог дать своим детям полноценного образования. По той же причине ему оказывали в медицинской помощи, облагали непосильным налогом, не принимали в колхоз. Окружающим Карпова «строителям новой жизни» он, глубоко верующий человек, отказывающийся изменить свои взгляды, казался странным, чуждым, а нередко и опас-

ным. В 1937 году якобы за «анти-советскую агитацию» он получил десятилетний срок и попал в лагерь, где провёл более полутора лет, чудом освободившись в тот короткий период, когда новый руководитель госбезопасности Берия чуть-чуть отпустил беспощадные тиски репрессий. Жизнь впроголодь, иногда без единой копейки; дети, отправленные нищенствовать, чтобы хоть как-то прокормиться; клеймо «лишенца», а затем «врага народа», гибель двух сыновей на фронтах Великой Отечественной – через всё прошёл Иван Степанович, но сохранил светлую веру в Бога. Вся его жизнь была пропитана любовью. Любовью к Богу, ко всему окружающему миру, к духовной музыке, игре на фисгармонии, книгам, резьбе по дереву. Резная шкатулка его работы экспонировалась в павильоне СССР на всемирной выставке в Японии в 1970 г. В суровых условиях Русского Севера он увлеченно и плодотворно занимался пчеловодством, садоводством и огородничеством.

Степан Иванович Карпов в последние годы жизни.

Исповедь грешника

Направление в мой жизненный путь дал мне Соловецкий монастырь, где судил мне Бог быть в хоре Преображенского собора. Мама по обещанию отправила меня в 1902 году на один год, но потом приехала повидать меня и оставила ещё на год, рад уясы, что я пою и учусь в музыкальной школе. Также и дядя мой, уже рясофорный монах, доволен был. Мама оставила меня более потому, что была засуха, хлеба и травы засохли, дома с голоду помрем. Приехала мама на второй год и оставляла на третий год, так как дома рук приложить не к чему. Мне ещё 14 лет, но у меня уже переходная ступень в голосе, и петь нельзя. Дядя и мама уговаривают меня остаться, дядя говорит: «Устроим тебя в мастерскую учеником, будешь мастером, кусок хлеба на всю жизнь. В столярную, слесарную, портняжную, — какую пожелаешь». Но мне брата Васи жаль, ему ещё только три года. Так и не могли уговорить меня.

Соловецкая обитель не только как рассадник благочестия на Севере, но и святыня для всей России, и в нее идут потрудиться по обещанию много трудников, но немало и по нужде, так как для большинства населения рук приложить было не к чему, негде заработать на свое

существование. А в Соловецкой обители работы непочатый край. Нужно обеспечить братию отоплением, продуктами питания. На Муксаломском острове животноводческая ферма — скот, лошади и птицеферма. Огромные огороды овощей: капусты, картошки, свеклы, моркови, лука. В теплицах всю зиму свежие огурцы и лук.

Все такое благоустроенное хозяйство создано трудами святителя Филиппа, бывшего настоятелем монастыря во время царствования царя Иоанна Грозного, от него получившего блаженную мученическую кончину.

Брат мой Вася, воспитанник 4 класса Вологодской духовной семинарии не окончил семинарии, так как духовные семинарии закрылись. Он был превосходный скрипач и уже достиг 4-й позиции скрипки (на скрипке 5 позиций), и на конкурсе скрипачей Вологодской духовной семинарии оказался первым призером, и на приз получил книгу «Жизнь и труды Св. апостола Павла» знаменитого английского богослова Фаррара, каковую книгу увез с собой о. Григорий и не возвращает. Брат Вася поступил в Черевковский райисполком на должность плановика и начал на родине в Ляхове из полуразрушенного дома в деревне строить себе избу.

Мать моя, великомученица, стала очень слаба, ни к чему не способная. Теперь она не про-

пускала ни одной службы церковной, даже будничной. О Васе вся ее молитва. На женитьбу она смотрела как на великое несчастье, потому что испытала ужасы смерти отца, алкоголика-самоубийцы. Родила 10 детей, схоронила умерших от скарлатины и оспы 8 человек, осталось нас двое — я и брат Вася, моложе меня на 10 лет. Все ее молитвы были, чтобы Вася не женился, по пословице «Одна голова не будет бедна».

Особенная ее забота была и обо мне, чтобы я, часто бывая при похоронах на обедах, на свадьбах, не попробовал вина: «Не бери в рот этого зелья». Духовное училище не принесло Васе каких-либо вредных привычек ещё несовершеннолетнему, и мама от радости души в нём не чаяла. После семинарии стал и выглядел культурным, тактичным человеком, и работал в райисполкоме на должности плановика. На квартире жил у молодой вдовы, вот она и воспользовалась случаем заманить Васю в свои сети — стала варить пива и бражки, чем ранее занималась, и попал Вася в ее сети — сделался сожителем и неисправимым алкоголиком, не сознавая своей гибели.

Прихожу я к брату на квартиру и он предлагает с ним пообедать. Накрошил в чашку хлеба, вылил бутылку водки и выхлебал все содержимое, и в таком виде пошел на работу. Не помог-

ли слезные молитвы матери. Из Черевкова Вася со своей сожительницей переехал в г. Кемь на должность бухгалтера, и там дошел до худшего состояния. Пишет нам с супругой: «Помолитесь за меня Богу, чувствую, что погибаю от вина, но нет воли победить себя». Забыл золотые слова матери. Весь бухгалтерский коллектив был из

*Что сулило нам будущее, никто не знал.
А приблизилось время грозное...*

пьяниц, справляли вином все праздники, советские и церковные.

Случилось это в 1942 году, 7 апреля, в день Благовещения Пресвятой Богородицы. Справляя праздник, все перепились и пошли по домам. Зона запретная — строились военные корабли, и все имели пропуска для прохода по запретной зоне. Молодой часовой, первый раз увидав на посту пьяного брата, не обратившего внимания на окрик «Стой», застрелил его. Так кончилась молодая жизнь моего дорогого брата Васи на 41 году жизни.

Что сулило нам будущее, никто не знал. А приближалось время грозное. Начались диспуты на религиозные темы. В Красноборске организовался Союз воинствующих безбожников, печатались плакаты «Воинствующая церковь».

Опять собрания всех граждан по обложению коров молоконолагом по 25 пудов с коровы, но население упорно не принимает. Тогда налог увеличили до 40 пудов с коровы, а с лишенцев — 60 пудов. Кто на собрании публично высказался против — отбыли по одному году заключения. Церковные дома священника и псаломщика отобрали, дом псаломщика взяли под школьную ночлежку, мне было дано 24 часа срока на выселение. Священник купил в Красноборске дом. Поместился я в пустующем доме в ближней от церкви деревне. Теперь положение мое при церкви при непосильном 5000-м налоге грозило мне, что опишут все мои пожитки и продадут с торгов. Я с горестью решил оставить свою церковную службу и переехать в Ляхово, на родину, в недостроенную братом Васей избу.

Прежде чем переселиться на родину, я сходил спросить согласия соседей на мой переезд. Собрались все соседи, и я рассказал про свое тяжелое положение с семьей в 8 человек, и хочу вернуться в свою родную деревню. Бригадир: «Кто за то, чтобы Карпов переехал к нам в деревню, поднимите руки». Никто не поднял руки. «Кто против?» — все подняли руки. Вот тут-то, видя мое безвыходное положение, стали посещать меня учитель и учительница местной школы и снявший с себя сан дьякон Телеговской церкви на диспуте в Красноборске Дмитрий Чецкий, утверждая, что церкви скоро закроются, советуя мне принести раскаяние в своем заблуждении перед собранием, скинуть с себя сан дьякона, и тогда скинется налог, устроят на работу, и будут дети приняты в школу на дальнейшее образование.

Подумали, поплакали с супругой. Но совесть твердо говорит, что ведь это иудино предательство и есть, нарушить присягу, данную пред Крестом и Евангелием перед хиротонией на верность церкви, и быть таким же иудой, как Дмитрий Чецкий. Нет, уж лучше поедем на родину в недостроенный братом Васей дом.

Провели власти регистрацию верующих и неверующих до 16 лет, а нам, церковнослужителям, вручили анкеты с вопросами по отношению к религии, к власти, имущественное положение, были ли судимы. Пахотную землю и сенокос отобрали с условием весной засеять (здесь скрывался преступный обман комитетов бедноты — имелось в виду отобрать у нас урожай). И мы без малейшего сомнения наняли пахаря, засеяли, собрали урожай, измолотили, и зерно сдали на хранение своему пахарю-работнику, и во двор к нему поместили всю нашу хозяйственную утварь: соху, борону, четырехколесную телегу и всю конскую упряжь. Осенью переехали

со своей семьей в Ляхово, в братний недостроенный дом. Взяли с собой мешок муки (более не нашлось). За хранящийся на Лябле хлеб мы не беспокоились, так как пахарь наш был надежный, самостоятельный. Но ведь беднячки и актив знал, что дьякон хранит хлеб у работника в амбаре. Комитет бедноты постановил: хлеб, м сено, и весь хозяйственный инвентарь отобрать (это ещё весной до посева комитетом бедноты было постановлено). Получили извещение письмом, что хлеб наш, рожь и ячмень, всего 65 пудов, увезли в сельсовет, и весь инвентарь, и прихватили 10 хозяйских овчин и 5 фунтов коровьего масла. Получив такую горькую, печаль-

Совесть твёрдо говорит, что ведь это иудино предательство и есть, нарушить присягу, данную пред Крестом и Евангелием перед хиротонией на верность церкви, и быть таким же иудой, как Дмитрий Чецкий. Нет, уж лучше поедем на родину.

ную весть, неудержимо плакали. Впоследствии все выяснилось, но мы, лишенцы и церковники, могли ли предпринять какой-либо протест? И так остались мы без куска хлеба в такое голодное время.

Приехав на родину, поместились у соседа. На следующий день пошел я в сельсовет и вижу на заборе большой плакат: нарисован дьякон в голубой рясе с кадилом в руке и большими буквами написано: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Деревни Звягинской Ляховского сельсовета Карпов Иван Степанович не захотел заняться честным трудом — работать топором, уехал в церковь на сладкие пироги махать кадилом. Но в минуту трудную вспомнил и о деревне, и просит наделить его с семьей землей. Граждане! Не поддавайтесь на удочку дармоеда, не наделяйте его землей! Аминь!

Актив».

Такой же плакат обо мне висит в киоске на стене сельсовета. Рядом с моим плакатом нарисована небольшая избушка с двумя окнами по фасаду и одно окно сбоку. Просверлено отверстие над окном, и из отверстия идет дым. Внизу под рисунком написано:

«Доколе Андриан с Натальей в тенетах и грязи роются, когда же у них на трутня паука-попа глаза откроются?» Священника протоиерея Леонида Тарабукина никто не решается принять к себе на квартиру, но его принял самый беднейший в сельсовете Андриан Кондратьевич Гашов. Как его не журили, как не клеймили, он ни на что не обращает внимания. О. Леонид беспрерывно курит, и для выхода табачного дыма сверх

Дом, где жил Степан Иванович Карпов.

окна просверлена вентиляция.

Поступил указ правительства, чтобы все имели прописку по месту жительства, но нас не прописывают. Как убедительно, чуть ни со слезами и сельсовете не просил о. Леонид и я также о прописке, но председатель с гордостью и иронией сказал: «А знаете, как нас за это взгреют!»

На доделку дома пришлось продать самовар. Нужно было сбить глинобитную печь и выложить из кирпича дымоходную трубу. Брат Вася не принял никакого участия в доделке дома, он работал в городе Кеми бухгалтером. Райисполком предложил немедленно внести налог в 5000 рублей, в противном случае — репрессия и продажа имущества, а у меня ни рубля денег. Есть одна голодная корова и голодный теленок, и корова стоит в хлеву по колено в навозе, так как подстилки взять негде. Ежедневная сдача 6 килограмм наполовину не выполняется, и себе не остается ни капли. Назначили ревизию по надою моей коровы. Доили трое суток, признали, что при таком корме и плохой упитанности коровы молоконолага и вскармливания теленка не выполнить, и нам разрешили сдать корову и теленка в колхоз на лучший корм в счёт налога.

Как ни тяжело было, но пришлось двоих детишек послать просить милостыню у голодных колхозников, а как им было стыдно просить, а нам смотреть па приносимые кусочки хлеба, испеченные с примесью всяких отходов. Приходилось сушить их, истолочь в ступе в порошок и вложить в какую-либо другую похлебку. По-

неволе подумаешь, что такое хлеб. Без всяких продуктов можно прожить, а без хлеба не проживешь, хлеб заменяет все продукты питания. Когда начинают зеленеть луга, поднимается шавель — кислая трава, в ячмене и овсе — мыший горошек, разрешалось собирать оставшиеся на земле колосья ячменя и ржи, весной перекапывали грядки и из гнилой картофелины извлекали крахмал. Но все эти продукты без хлеба ненадолго заглушали голод и расстраивали желудок.

Двух сыновей мы отправили в Архангельск. Одного приняли в слесарную мастерскую, другого в столярную. Две дочери при помощи родственников устроились в няни. Остались ещё двое — дочь и сын 5-7 лет. Люди ночи сидят на собрании, решают свои текущие дела, а меня как лишенца никуда не требуют, куда-то, видимо, хотят выслать. Второй приказ правительства, чтобы все граждане имели прописку по месту жительства, но нас и о. Леонида не прописывают. Явились в сельсовет просить о прописке, и как усиленно и убедительно о. Леонид не просил: «Ведь вы все мои дети, я вас венчал, крестил ваших детей», но на все эти заслуги ответ председателя: «А вы знаете, как за это нас взгреют!» 5000 рублей налог не уплачен, зачтена корова и теленок. Вызывают в налоговую часть райисполкома, объявляют трехдневный срок уплаты, иначе дело идет в прокуратуру, и как у злостного неплательщика продадут все хозяйство. Я не мог воздержаться, заплакал навзрыд, просил обследовать мое хозяйство и убедиться, что мои

дети с колхозников кусочки собирают, а дом принадлежит брату Карпову Василию Степановичу, а не мне. Я уже отдал в счёт налога корову и теленка, и какая-то доля из 5000 налога должна быть вычтена. Сельсовет обследовал мое хозяйство и ввиду очевидного доказательства несостоятельности моего хозяйства и принадлежности дома брату моему Василию скинул налог.

Церковь на родине в Ляхове была закрыта, колокола сброшены и разбиты на мелкие части. Церковные богослужебные сосуды изъяты будто бы по случаю сильного голода в Поволжье и на юге страны. Скучно и тяжело было переживать такие чрезвычайно грозные события.

В 1934 году перед Пасхой была объявлена антипасхальная неделя. Учительство, члены сельсовета и активисты обязаны были обойти все деревни колхозников с разъяснением о Пасхе как пережитке древних некультурных людей, чтобы Пасху ничем не отмечали, не украшали картинками своих квартир, как ранее было и не пекли ничего праздничного. В пасхальную ночь в И часов всем колхозникам выйти на субботник по вывозке навоза на поля.

Услышав, что в Ягрышской Покровской церкви есть хор из адм[инистративно] высланных и есть из певчих монахиня, я как свободный ушел к пасхальной утрени. Крестного хода не было. Началась пасхальная утренья, запели первую песнь канона «Воскресения день», и вдруг заиграла гармонь. Трое молодых парней стоят на скамейке с гармонью, народ возмущен, все были женщины: «Что вы, разбойники! Побойтесь Бога, зачем сюда пришли! Да гоните их, разбойников! Попробуйте-ко!» Священник о. Василий Тиханин вышел из алтаря и сказал: «Я не могу совершать богослужение, выходите из храма, православные». Разоблачившись, священник и мы, певчие, пошли, спускаясь по лестнице, видим, поднимаются вверх по лестнице два человека с трехметровой доской (председатель колхоза и председатель сельсовета). Потребовали ключи от церкви, заперли; впоперек приколотили на гвозди доску, и церковь во имя Покрова Божией Матери закрылась навсегда.

В час ночи я пошел домой. Народ на полях, везут навоз, пар от навоза, женщины разбрасывают и разгребают навоз. Дальние колхозники не знают меня, и я без стеснения шел, неся в сердце расстройство и обиду, не удовлетворившись желанием встереть Пасху и петь с хором. Когда ступил на территорию нашего колхоза, во избежание встречи с колхозниками решил обойти в сторону кустарников, пробираясь через плетни, изгороди и канавы, полные воды, так как была

распутица, и так отшагал 6 километров. Подходя к своему дому, встречаю соседа с топором в руках. «Я, - говорит, - вырубил 65 кольев». Так встретил я Пасху в 1934 году.

В 1 час дня священник о. Леонид с прихожанами взяли иконы распятия и воскресения Христа, пошли в ближайшие деревни по прежнему православному обычаю славить воскресшего Христа. Ранее в каждом доме чувствовалась радость принять со славой священника и приложиться ко кресту, а если водосвятный молебен, то и дом священник окропит святой водой. Но, видимо, не все принимали со славой и в других деревнях.

Церковь на родине в Ляхове была закрыта, колокола сброшены и разбиты на мелкие части. Церковные богослужебные сосуды изъяты будто бы по случаю сильного голода в Поволжье и на юге страны. Скучно и тяжело было переживать такие чрезвычайно грозные события.

Пришли со славой и в нашу деревню. И я решил не принимать священника с иконами, рассчитывая, что ежедневно сотни людей читают в киоске и на заборе мои плакаты о дьяконстве и как презирают меня. Этим я мыслил доказать, что я хотя и дьякон, но тоже не против власти, тоже советский гражданин. Христосование хотя никто не отменял, но христосуются кощунственно, в насмешку: «Христос не воскрес — воистину на воскрес!» И пришлось мне отвечать: «Воистину не воскрес!»

В наши дни, войдя в дом в Пасху, если в нём нет верующих и на приветствие «Христос воскрес» ничего не ответят, умолчат, а то или скажут с насмешкой: «Неужели воскрес?» Уж лучше умолчать.

В Ляхове в 1936 году церковь закрыта, колокола сняты и разбиты на мелкие части. Тяжело было переживать чрезвычайно грозные события. И решил я идти на Пасху в Черевковскую церковь, услышав, что там будут петь хором административно высланные священники, а они певчие. Один из певчих — артист императорских театров контр-октава Геннадий Фруктов. Хорошо пели за литургией преждеосвященных даров «Да исправится...», «Ныне силы небесная», «Вкусите и видите» и привлекли много молящихся. Но как идти за 14 километров, ведь меня все знают. Тысячи людей читали и читают мою биографию в киоске и на заборе; нужно пройти незамеченным и избежать вопросов, куда пошел, ведь меня все знают. И пришла мне мысль в голову — у меня есть гармонь, гармонию на

ремень через плечо и, если встречный спросит меня, куда пошел, скажу, что пошел в черевковскую гармонную мастерскую починить гармонь. Замысел блестяще удался.

Пришел в Черевково к тетушке, маминой сестре. У них хозяйство исправное и Пасху стремятся, хотя и скудно, но отметить. Прихожу в И часов к железным воротам церкви, а к воротам приделана эстрада и запланировано начать митинг во время крестного хода вокруг церкви. Вокруг стен храма зажжены фонари с большими буквами: «С с-е-г-о-д-н-я-ш-н-е-г-о д-н-я к-о-л-о-к-о-л-ь-н-ы-й з-в-о-н у-м-о-л-к-н-е-т н-а-в-с-е-г-д-а». Во время крестного хода открыли митинг, и во время богослужения получилась толкучка: народ идет с митинга в церковь, из церкви — на митинг.

Поразительно было пение, в нотах строго исполнялись динамические знаки. В высшей степени исполнили Пасхальные часы, кондак праздника «Аще и во гроб снизшел еси». На часах «Яко живоносец, яко рая краснейший» начали негромко, постепенно увеличивая, дошли до такой силы, что когда прозвучало «Показася светлейший, Христе, гроб Твой», казалось — все обрушится. Пишу и слышу этот голос великого редкого человека. Пели на хорах, а на высоте ещё более резонанса. Поразительно хорошо исполнили за причастным концерт Сартри ре мажор «Радуйтесь людие», строго исполняя динамические знаки.

К огорчению хора самовольно зашла на хоры по городской моде одетая женщина, бессознательно подпевала, не имея знания в пении, слорила, ее следовало бы удалить, но певчие постеснялись. Когда певчие пришли к о. Харлампию на праздничный обед, и я на обеде выразил чувства восторга, певчие сказали, что они сами чувствовали этот восторг, но многое испортила эта «барынька», как они ее назвали, но удалить ее не решились.

В 9 часов в день Пасхи, после обеда у тетушки, взяв через плечо свою гармонь, отправился домой. Дорога ещё не совсем протаяла, есть лед. Вышел на дорогу, вижу — идет многолюдная толпа. Шла толпа к церкви, и везли четырехколесную телегу. Вместо оглобелей приделаны длинные жерди, за которые тянули люди. А на груди у них наклеены бумажные записи: «кулак», «подкулачник», «шептун», «нытик». Впоперек телеги — беседка, на ней посажены рядом: в середине царь в короне, по бокам поп и кулак. Дошли до церковной ограды, где трибуна, и начался митинг. «Что, разве продаешь гармонь?» — спрашивают меня. — «Нет, сам играю, из ремонта несу». Так я благополучно к часу дня явился домой с полным удовлетворением музыкального и духовного чувства. От тетушки принес пасхальных гостинцев. Дети рано утром

Резьба Ивана Степановича Карпова: стул и шкатулка.

напросили праздничных кусочков, да нашлись добрые люди из дальних деревень, принесли молока с условием, чтобы все было в тайне, так как комитеты бедноты и активисты за всем следили.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящую мою рукопись «Исповедь грешника» прошу прочитать со вниманием. Считаю обязанным объяснить причину, побудившую на этот труд. Бывши служителем церкви во время революции, пришлось пережить все гонения на церковнослужителей и на себе испытать гонения, вплоть до ужасов тюрьмы. И последующая жизнь выделяла меня как бывшего служителя церкви, отставшего от современной культуры. Вот это и навело меня на мысль оставить свою рукопись после своей смерти для любознательных, может, прочитают и вынесут свой праведный суд обо мне, грешнике.

Ещё раз прошу прочитать со вниманием, пишу дрожащей старческой рукой.

Карпов Иван Степанович
1982 года 3 декабря.